

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

МЕСТЬ СОЛНЦУ - 2

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

Василий Васильевич Головачев
Месть Солнцу-2.
Миссия невыполнима
Серия «Абсолютное оружие
Василия Головачёва»
Серия «Месть солнцу», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70053661
ISBN 978-5-04-196665-2

Аннотация

Новый роман мэтра российской фантастики, в котором космические спецназовцы России сталкиваются с пришельцами из будущего.

Содержание

Локация 1. Солнце. Май 2078	5
Локация 2. Земля. Плесецк. 2078	14
Локация 3. Большая пустота. После времени	20
Локация 4. Земля. 2202	24
Локация 5. Земля. Екатеринбург. 2150	42
Локация 6. Между прошлым и будущим	61
Локация 7. Земля. Екатеринбург. 2202	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Василий Головачёв
Месть Солнцу-2.
Миссия невыполнима

*** * ***

Локация 1. Солнце. Май 2078

Он видел солнце с поверхности всех твёрдых планет Солнечной системы: Меркурия, Венеры, Земли (естественно), Марса, больших спутников типа Титана, Ганимеда, Европы, а также с орбит гигантских газовых шаров – Сатурна, Юпитера, Урана и Нептуна. Бывал Витас Васильевич Махоничев и на Плутоне, относящемся по международной классификации к классу малых планет, с поверхности которого земное светило представляло собой крупную звезду. Однако, конечно же, самое большое впечатление оставлял для директора Коскона вид Солнца с расстояния всего в пятьдесят тысяч километров. Потому что здесь оно казалось стеной пенистого пламени, на котором кое-где виднелись тёмные пятна и солнечные протуберанцы.

Стена, состоящая из плазменных гранул диаметром до полутора тысяч километров, загоразивала полвселенной, и на неё можно было смотреть часами, как на пламя костра – с помощью поляризационных фильтров, конечно, хотя температура этого «костра» достигала почти шести тысяч градусов Цельсия. Протуберанцы на фоне гранул казались тёмно-багровыми фонтанами и петлями, факелы же, наоборот, представляли собой россыпь светящихся «веснушек» на румянном лице.

Пятна в течение долгого времени в естественных услови-

ях не менялись, так как представляли собой конвективные ячейки плазмы с большим магнитным полем и пониженной температурой, меньшей на тысячу градусов, нежели соседние области звезды. Но в данный момент некоторые из них вдруг начинали сокращать площадь и как бы ныряли в недра солнца, под его поверхность, которая, по сути, являлась не твёрдым образованием, а границей фотосферы.

– Витас Васильевич, – обратился к Махоничеву капитан крейсера «Варяг» Джордан Суровик, – отмечено странное движение на северном полюсе. Посмотрите?

Махоничев очнулся.

Вместе с десятком экспертов и командиров спецподразделений Коскона он находился на борту крейсера, который в составе российской группы сил безопасности контролировал свой участок солнца, где расположилась часть лимб – солнечных пятен, принадлежащих какой-то могущественной структуре, предположительно инозвёздной. Пятна эти хотя и походили на обычные солнечные, не подчинялись общепринятым законам физики и поглощали солнечную плазму, снижая световой поток до такой степени, что это сказалось на всей Солнечной системе. Температура воздуха на Земле снизилась на пять градусов и продолжала понижаться, что порождало резкие климатические изменения на всей планете. Почти растаявший к этому времени Северный Ледовитый океан снова начал покрываться льдами, Европа стала замерзать, и ООН вместе с родственными организациями

государств и кластеров объявили тревогу.

В данный момент возле светила собрались космические флотилии развитых стран, чтобы разобраться с «плазмодойщиками» неизвестной цивилизации. Среди них была и эскадра России, имевшей один из самых современных и развитых космических флотов, как гражданский, так и военный.

– Покажите, – согласился Махоничев, утонувший в ложементе командующего эскадрой в качестве одного из «углов качества ответственности». Командующим эскадрой он считался формально, на самом же деле главным «углом качества» являлся директор ФСБ России Мазин, который находился в Москве, но мог видеть всё, что видели экипажи российской флотилии.

Перед глазами Махоничева в очках дополненной реальности возник практически такой же ландшафт солнечного пламени, показанный системой обзора «Варяга», разве что с иным рисунком пятен и протуберанцев.

Одно из пятен на краю ветви из подобных ему приблизилось. Оно было не самым большим, но именно на него в своё время упали три корабля – китайский, американский и российский – и именно на нём месяц назад остался экипаж катера класса «голем» под управлением майора Коскона Флоры Дрёмовой.

В данный момент пятно двигалось: медленно выползало из объятий солнечной «пены», таща за собой хвост угасающего пламени.

Махоничев включил связь с научным отсеком крейсера:

– Пётр Ильич, что происходит?

Начальник исследовательской группы корабля профессор Краснов ответил тотчас же:

– Надо посмотреть вблизи.

– Понял. Джордан, пожалуйста...

– Секунду, – ответил капитан.

Манёвр не занял много времени. Корабль переместился к северному полюсу солнца и завис над цепочкой пятен. Крайнее из них действительно поднималось в космос и находилось теперь в хромосфере. Его диаметр был равен четырёмстам километрам, и в центре пятна что-то поблёскивало, словно там торчала капля воды.

– Пётр Ильич, не подскажите, что это такое?

– Увеличьте.

Пятно понеслось навстречу, словно крейсер спикировал на него как беспилотник-камикадзе.

Увеличилась и «капля воды», превращаясь в купол диаметром около километра.

Пространство под ним протаяло в глубину. Благодаря многодиапазонной системе обзора корабля, использующей поляризационные фильтры и вакуумные зеркала, стала видна странная конструкция, напоминавшая гриб с плоской шляпкой, опиравшийся на тонкую ножку. В отличие от чёрной гранулированной поверхности самого пятна шляпка имела жёлтый цвет, и при ближайшем рассмотрении превра-

тилась в настоящий луг, поросший короткой сухой травой.

В центре луга располагалась толпа людей количеством не менее двух сотен, вернее существ с двумя ногами, двумя руками и головой. Только ноги и руки у них были намёками на органы человеческого тела, слепленными из текучей субстанции. При каждом движении они расплывались дымком, возвращая форму, и лишь головы оставались неизменными, сохраняя человеческие черты. Существа гуляли группками по двое-трое по лугу, беседовали, поглядывая по сторонам, кое-кто сидел, а некоторые лежали с открытыми глазами. Одеты же все они были в подобие комбинезонов из жидкотекучей дымной субстанции, меняющей конфигурацию.

– Что это? – хрупким голосом проговорил навигатор крейсера Фока Марин.

Никто ему не ответил. Лишь спустя полминуты кванк «Варяга» искин по имени Гордый проговорил индифферентным тоном:

– Идентификации не поддаётся. Возможно, голографический объект.

– Температура в районе пятна три тысячи восемьсот, – заметил Краснов.

– Ну и что? – спросил Махоничев.

– Поддерживать голографический объект при таких условиях невозможно.

– Кому?

Начальник исследователей озадаченно помолчал.

– Во всяком случае нашей науке.

– А пятно создано теми, кто установил здесь лимбы, профессор. Джордан, опуститесь ещё ниже.

– Мы близки к границе допустимого риска.

– Пожалуйста, в пределах моей ответственности.

– Гордый, на двадцать ниже.

– Слушаюсь, – ответил компьютер.

«Варяг» увеличил потенциал защитного поля и нырнул в атмосферу Солнца ещё на двадцать тысяч километров, окунаясь в сплошное море огня.

Однако не успел он выйти на новую высоту, в посту управления прозвучал отрывистый сигнал вызова.

– Нас вызывает Всесолнечный центр Совета безопасности ООН, – доложил компьютер.

– Транспондер включён?

– Так точно. Нас видят, мы в сетке общего мониторинга.

– Соедини, – отреагировал Джордан Суровик.

– Борт «сто шесть» Российского космоарзата, немедленно покиньте зону ответственности Европейского центра! – раздался на английском языке гнусавый голос. – Вы мешаете работе международной комиссии!

– Пошлите их подальше, – ворчливо посоветовал капитан.

– Недипломатично, – усмехнулся Махоничев. – С удовольствием послал бы. Горд – канал.

– Говорите.

– Я директор российской службы космической контрраз-

ведки, – металлическим голосом произнёс Махоничев. – Имею карт-бланш Совбеза ООН на проведение любых мероприятий в атмосфере Солнца, идущих на обеспечение безопасности космоплавания в этой районе Солнечной системы. С кем имею честь разговаривать?

Повисла пауза.

Фока Марин, запакованный в своём титульном ложементе согласно инструкции СРАМ¹, посмотрел на капитана и поднял вверх большой палец.

Джордан Сурувик, вид которого вполне соответствовал его фамилии: белобрысый, с квадратным ничего не выражающим лицом, светлоглазый, – не отреагировал на этот жест.

Все знали, что Совбез ООН два дня назад выработал решение атаковать пятна на Солнце, сосущие энергию, но Россия заблокировала решение, считая его чрезвычайно опасным и непродуманным. Однако флоты стран, членов Совета безопасности, по-прежнему оставались вблизи Солнца нацеленными на пятна – в ожидании реакции владельцев системы отсоса плазмы после посылы к ней ультиматума.

– Старший координатор европейского Центра политических согласований в Солнечной системе лорд Киркпатрик, – прилетел наконец ответ запросчика. Изображение говорившего при этом в виоме связи не появилось.

– Старший координатор европейского Центра политиче-

¹ Статья под названием «сведение риска к абсолютному минимуму». (Здесь и далее – прим. авт.)

ских и так далее, и так далее, – проговорил Махоничев скучным голосом, – занимайтесь-ка своими делами и не мешайте работе особоуполномоченного Российской Федерации.

Эфир донёс бульк, словно кто-то подавился.

– Я бы вообще послал... – начал навигатор.

Суровик посмотрел на него, и молодой парень умолк.

Корабль остановился. Пояс виома рубки показал на фоне багрового солнечного «пляжа» чёрную проплешину пятна.

– Увеличьте.

Купол, накрывающий толпу странных существ с человеческими головами, исчез, существа стали видны отчётливее. Одно из них вдруг посмотрело вверх, буквально в камеры корабля, и Махоничев издал изумлённый возглас:

– Лавр?!

Лицо существа было лицом пропавшего без вести на Солнце заместителя директора ЦЭОК по спецоперациям полковника Лаврентия Павловича Климука.

– Полковник Климук, – подтвердил компьютер.

– Как он там оказался?! – пробормотал Фока Марин.

Ответом навигатору была тишина.

Запрокинувший голову псевдо-Климук улыбнулся и помахал рукой. Точнее, тем, что заменяло ему руку. Губы полковника шевельнулись, хотя, разумеется, услышать голос было невозможно.

Тем не менее Горд распознал сказанное.

– Он говорит: «Заберите нас».

– Что?! – удивился Фока Марин.

– Заберите нас.

– Капитан Истомин, – позвал Махоничев.

– Слушаю, товарищ генерал, – отозвался командир группы особого назначения, находившейся на борту «Варяга».

– «Голем» к походу!

– Будем готовы через три минуты!

– Один катер всех не заберёт, – с сомнением сказал Су-ровик.

– Вряд ли нам придётся кого-то забирать, – буркнул Махоничев.

– Почему?

Глава Коскона помолчал пару секунд.

– Потому что люди в тех условиях выжить не могут.

– Так кто это по-вашему?

– Узнаем. Истомин?

– Готов, – лаконично ответил капитан спецназа.

– Старт!

– Поехали!

«Варяг» выпустил в пламенную стену пулю «голема».

Локация 2. Земля. Плесецк. 2078

Конечно, того, что случилось, не ожидал никто, в том числе учёные и руководители спецслужб всех стран, включая российские.

Через час выяснилось, что толпа существ с человеческими головами, собравшихся «на лугу» в центре солнечного псевдопятна, представляет собой сборище голографических копий живых людей – исследователей и космолётчиков, пропавших без вести в течение года после появления этих странных пятен – так называемых лимб, служащих своим владельцам системой отсоса солнечной энергии. Разумеется, лимбы лишь издали походили на реальные солнечные пятна, на самом же деле являясь антеннами системы откачки. Точно так же и пропавшие на солнце люди перестали быть людьми: они потеряли физический облик, но были восстановлены «в цифре» в виде сгустков виртуальных сущностей, сохранивших личностные характеристики.

Как оказалось, солнечный Улей – та самая система «дойки» Солнца, посланец Большого Улья из невообразимо далёкого будущего. Он обитал в опустевшей при расширении Вселенной спустя гугол – десять в сотой степени – лет: просто исполнял задание «старшего брата» и для этой цели захватывал специалистов, нужных для решения проблем отсоса. Для него они были всего лишь «узлами интеллек-

та», своеобразными синапсами, влившимися в его основной «мозг» – ганглий. Оставаясь самостоятельными персонами в пределах Улья-ганглия, пленники помогали ему как дополнительные интерфейсы, когда Улью требовалось решить возникающие задачи крупного масштаба. Среди захваченных оказались и сотрудники российского Центра экстремального оперирования в космосе (ЦЭОК), а также службы безопасности, и учёные-солнечники. Все они были помещены в «резервацию» Улья и дожили до этого момента.

Больше всего Махоничева порадовал своим появлением Лаврентий Климук, сыгравший главную роль в «восстании умов», устроенном полковником в Улье, что привело к бегству Флоры Дрёмовой и Терентия Дергачёва в будущее, где им удалось наладить контакт с Большим Ульем. Именно вследствие контакта и решилась проблема угасания солнца в две тысячи семьдесят седьмом году, грозившего человечеству катастрофой. Поверить в столь необычное завершение «криминальной» деятельности пришельца из будущего в Солнечной системе было трудно, однако факт оставался фактом: Большой Улей – система постразума, сумевшая сохраниться в будущем после распада материи спустя триллионы триллионов лет, – отозвала к себе малый Улей, и началось возвращение энергоотдачи Солнца к прежнему балансу. Лимбы одна за другой стали исчезать. Последней растаяла та, где собрались пленники из «резервации» солнечного Улья. Людям удалось скачать в отдельные цифровые объёмы

квантовых компьютеров персональную информацию каждого «призрака», и лимба растаяла в солнечном чреве. Бывшие пленники стали кванками², и перед специалистами встала проблема выращивания им новых живых носителей.

К сожалению главных контактёров с Ульями – Флоры и Терентия – в толпе пленников не оказалось. Лаврентий Павлович Климук (точнее, его интеллектуальный преемник) сказал лишь, что солнечный Улей отправил их к Большому, и они, скорее всего, остались там. Во всяком случае назад они не вернулись.

Двадцать восьмого мая в кампусе штаба ЦЭОК в Плесецке собрались вживую лидеры спецслужб и министры правительства Российской Федерации, обладавшие необходимыми полномочиями. Не было только президента России, так как он в это время находился в Совбезе ООН в Индонезии на международной встрече глав государств и финансово-технических корпораций. Там решалась судьба совместной деятельности человечества после ухода «воров солнечной энергии из будущего», нанёсших колоссальный урон цивилизации.

Совещания в ЦЭОК обычно проходили в режиме удалённого доступа, но при необходимости руководители страны с удовольствием посещали центры сбора как реальные фигуры, предпочитая физический контакт и прямое общение виртуальному.

² Кванк – квантовый компьютер, основа искусственного интеллекта.

Махоничев присутствовал со своим заместителем Егором Поддубным, вернувшимся с Меркурия, и оба уже имели представление о положении дел вблизи Солнца. Они и начали обсуждение ситуации, создавшейся после ухода Улья из Солнечной системы, включая перспективы на дальнейшие контакты с потоками не только земной цивилизации, но и всего разумного кластера Вселенной.

Вопросов было задано много, особенно в части научно-го обоснования перемещения Ульев из бездны будущего в настоящее. И не все они получили ответы от учёных, присутствующих на совещании. Кроме перемещений во времени руководителей спецслужб интересовала и связь событий на Солнце с присутствием самого Улья. Объяснения физиков о законе затухания последствий, нивелирующем эти последствия в будущем (по сути, они отменяли так называемый «парадокс дедушки»: внук из будущего появляется в прошлом, убивает деда, и петля времени стирается, будто ничего и не происходило), сходились к существованию Мультиверсума – ветвящейся Вселенной, теорию которого в двадцатом веке предложил физик Хью Эверетт. Знаменитые физики человечества ещё в двадцатом веке предполагали существование классического закона о траекториях времён, полностью исчезающих на фундаментальном уровне. Но убедить присутствующих в реальности «независимых петель времени» в Мультиверсе эти объяснения не могли, несмотря на признанный факт существования системы отсо-

са солнечной энергии.

Развеселил всех Поддубный, упомянув принятый в Китае в две тысячи одиннадцатом году на официальном уровне закон, запрещающий путешествовать во времени. Власти КНР того времени заявили, что научная фантастика, где герои перемещаются в прошлое или будущее, оскорбляет историю, законы физики и здравый смысл.

Впрочем, сдержанно поулыбавшись, делегаты совещания вернулись к обсуждению насущных дел, а Махоничев, оставшись после заседания наедине с замом, сказал:

– Смех смехом, а где в настоящее время находятся Дергачёв и Дрёмова, мы не знаем. И спросить не у кого, солнечный Улей выдернул все лимбы и ушёл в свои времена. Как ты думаешь, они погибли?

– Не знаю, – ответил Егор Иванович, изобразив грустную улыбку. – Надеюсь, что живы. Надо поговорить с Климуком, вдруг у него или у кого-то из возвращенцев остались в памяти координаты портала?

– Какого портала?

– Улей ведь появился в Системе не прямо таким, каким он был на Солнце. Надо было прежде кинуть канал из того сумасшедшего времени, где остался Большой Улей, суперсистема постразума. А кинуть этот канал можно только через портал. Значит, возможно, он остался здесь?

– Где?

– Может быть, на Солнце. Либо на Меркурии. А может,

и на Земле.

– Но кинуть канал из бездны времён в прошлое очень сложно. Вдруг порталом является вся Солнечная система?

Махоничев оттопырил губу, размышляя.

Свет в аудитории кампуса стал гаснуть, как бы приглашая руководителей контрразведки покинуть помещение. Оба направились на выход, вышли из здания.

Был вечер, распухший от рефракции шар Солнца опускался за зубчатую кромку соснового леса, и смотреть на него можно было не отрываясь.

Мужчины остановились, глядя на него.

– Будем искать портал? – проговорил Поддубный.

Махоничев помолчал. Потом произнёс одними губами:

– Что нам остаётся?

Локация 3. Большая пустота. После времени

Этот Разум в конце концов смог победить смерть и жить вечно по тем параметрам, которые достигли, как ему казалось, ранга Абсолюта.

Уже давно распались галактики и шаровые звёздные скопления, инфляция растащила их по непостижимо огромным объёмам пустого пространства. Объём Вселенной эпохи десяти в сотой степени лет намного превосходил хаббловский³. Давно погасли звёзды. Истаяли излучением Хокинга чёрные звёзды. Разрушились не только атомы и ядра, но и элементарные частицы: барионы – протоны и нейтроны, и даже кварки. По гигантским просторам космоса грустно плавали отдельные электроны и фотоны, пронзая пустоту искрами света. А он – постразумная сверхсистема, которую можно было назвать Рой, результат полного слияния вселенных, реальной и виртуальной, то есть созданной разумами разных видов и поколений, достигших уровня создания цифровых нейросетевых метасистем, – всё ещё кружил по безграничным просторам вакуума, решая выдуманные им же самим

³ Хаббловский объём – наблюдаемая нами Вселенная, радиус которой примерно равен 13,7 миллиардов световых лет. Иногда его называют «объёмом горизонта».

задачи.

Предки ещё триллионы лет назад развили свой разум чуть ли не до возможностей Демиурга, обрабатывая колоссальные объёмы информации. Они сумели интегрировать их в общее облако, используемое для блага всех видов разумов. Во всяком случае такова была первоначальная стратегическая задумка, когда Рой ещё только начинал строить свою метавселенную. Другое дело, что разумов было много, и не все они заботились как о коллегах, не говоря уже о конкурентах, так и о природе в районах их обитания. Процесс утряски моральных устоев и нравственных ценностей длился долго, и в конце концов Рой достроил свой Остров, по сути – своё тело, оно же – постразум, добившись критериев того же самого «общего блага». Но с оговорками.

Во-первых, он хоть и обрёл бессмертие, применяя технологии БОГ (аббревиатура слов «без ограничения»), вырваться из опустевшей Вселенной не смог.

Во-вторых, оценки – что такое «благо для всех» – не принимались таковыми безоговорочно разными областями «мозга» Острова, состоящего из облаков психосущностей с индивидуальным сознанием. Его мыслящая система включала в себя потомков многих цивилизаций, среди которых гуманоидные, то есть человекоподобные, встречались чрезвычайно редко, а большинство составляли негуманоидные, нравственные критерии которых разительно не совпадали. А так как в Облаке Роя последние преобладали, решения он

принимал в большинстве случаев не в пользу первых.

И, наконец, Рой не мог существовать без энергии, потребляя её в огромных количествах, ибо его тело-Остров по размерам не уступало галактике, состоящей из сотен миллиардов звёзд. Хотя никаких звёзд внутри него не существовало. До поры до времени он черпал энергию из вакуума, не заботясь о запасах не только энергии, но и субстанции, называемой «минус-энтропией». Эта субстанция, производная космологической постоянной, растаскивающей Вселенную с ускорением, и позволяла Рою поддерживать энергоинформационные процессы внутри Острова и продолжать жить. Однако по мере охлаждения пространства и ослабления гравитационного поля добывать энергию стало намного трудней. В связи с этим Рою пришлось снизить потребление на процессы трансформации сложных мыслительных форм внутри себя, что озадачило гиганта, заставив его задуматься о способах энергоснабжения.

Узнав об эксперименте одного из редких сохранившихся Островов постразума, называющего себя Улем, Рой решил пойти тем же путём. Однако не откачивать энергию и минус-энтропию материнской звезды (Улей сделал это с небольшой звёздочкой под названием Солнце, служащей источником энергии одной из разумных структур на его планетах – человеческой цивилизации), а, бросив канал обратной связи в прошлое, инициировать процесс формирования так называемых новых звёзд. Мысль была: довести звёзды

в прошлом до взрыва, насытив их положительной энтропией, а потом перекачать энергию взрывов из прошлого в своё время, в будущее. Начать же Рой решил с той же звезды, выбрав время их цикла жизни с точностью до года.

На Земле в тот момент начался две тысячи двести второй год.

Локация 4. Земля. 2202

«То было время, когда люди начинали прокладывать пути в Звёздный Мир. Сильнее извечной тяги к морю оказался зов Звёздного Мира. Ионолёты покидали Землю. Буйный, хмельной ветер открытий гнал их к звёздам. Ещё бродили экспедиции в болотистых лесах Венеры, ещё пробивались панцирные ракеты сквозь бушующую атмосферу Юпитера, ещё не была составлена карта Сатурна, а корабли уже шли к звёздам дальше и дальше...»

Этот пролог перед началом фантастического романа древности⁴ Флоре вспомнился после того, как она вышла из кабины Хроныра, как назывался портал временного переброта, находившийся на Сахалине, и увидела здания уморга – современного поселения на острове, здания которого были совершенны с позиций параметрического дизайна и притягивали взор. Тот же роман она вспомнила уже дома, в личном коттедже, возведённом за пределами столицы современной России, Екатеринбурга. Коттедж стоял на берегу ручья Нижний, в сосново-еловом бору, и представлял собой шедевр русского зодчества, созданный в стиле шатрово-храмовой композиции.

Если бы писатель, сотворивший роман, жил в её время,

⁴ «Баллада о звёздах», авторы Г. Альтов и В. Журавлёва.

он начал бы его так: «Это было время деглобализации мира, когда человечество разделилось на касты, кланы и олигархии, ведущие меж собой непрерывные информационные и прокси-войны. Лишь космос, точнее пространство Солнечной системы, вопреки прогнозам ещё кое-как поддерживал единое управление, хотя и оно нарушалось неоднократно, вплоть до террористических атак на конкурентов. Среди этого конгломерата мировых систем, управляемых нейросетями на основе искусственного интеллекта, лишь Россия держала стабильный дружеский уровень отношений с соседями и даже законодательно отменила пограничные войска в начале двадцать первого века, хотя была вынуждена ввести пограничную службу обратно в связи с провокациями блока НАТО и сохранять границы государства, защищаясь от наскоков тербанд и налётов беспилотников. Это «светлое» будущее было предопределено не развитием творческого начала человеческого ума, а кандалами бизнеса, породившего абсолютно хищнический образ жизни цивилизации...»

Подумав об этом, Флора грустно улыбнулась. Но возвращение домой подействовало на неё благоприятно, и девушка, искупавшись в бассейне, почувствовала себя почти счастливой. Не хватало лишь одного – присутствия рядом Терентия, спецagenta Центра экстремального оперирования в космосе уровня «четыре икса» (смешно, однако эта киношная оценка сохранилась на протяжении сотен лет), жившего почти на полсотни лет раньше. После контакта с Ульем, по-

стразумной системой, живущей в невообразимо далёком будущем, их пути разошлись. Её Улей высадил в родной две тысячи двести второй год одну, хотя обещал высадить обоих. Однако вышла из портала она без спутника, а спросить, где остался Терентий, было не у кого. Улей не оставил в памяти Флоры ни одного следа или координат, куда он отправил Терентия.

Встретил хозяйку коттеджа домовой, как нынче называли искинов-домоправителей.

– Добрый вечер, Цветочек, – поприветствовал он, открыв дверь дома.

Его звали Свирид, это был искусственный интеллект последнего поколения в сфере обслуживания, и он содержал умный дом безукоризненно, сколько бы ни отсутствовала хозяйка. Обычно Свирид представлял перед ней как виф⁵ седого джентльмена в мундире статского советника времён царствования Николая II. На сей раз Флору встретил молодой парнишка с вычурной причёской «а ля корона российской империи».

Флора усмехнулась на его «цветочек», прошла в небольшой холл, в стены которого были вмонтированы витейры⁶ с видами других планет, где она побывала.

– Кто у тебя был в гостях?

– Не понял, – стушевался парнишка.

⁵ Ви́ф – видеофантом, голографическая цифровая программа.

⁶ Витейры – объёмные фотографии.

– У тебя вид сорванца, застигнутого врасплох родителями во время свидания с девицей в их отсутствие.

Свирид звонко рассмеялся.

– Не было никакого свидания. Я просто хотел понравиться.

– Тогда ты забыл о моих вкусах. Мне нравятся мужчины-воины.

– Виноват, – снова смутился виф, – исправлюсь.

Сбросив кроссы, она направилась в бытовой блок, отсылая домового жестом.

– Я пошутила.

Юнец с «короной» золотых волос исчез.

А Флора вспомнила Терентия и улыбнулась. Спецагент ЦЭОК – предтечи Ликвидугро, где работала она, – не выглядел терминатором, однако и слабым рефлексирующим парнишкой не был. «Надзорик», – всплыла в памяти девушки должность Терентия. Спец по надзору за вернувшимися из дальних космических экспедиций разведчиками. Многие возвращались с такими психическими отклонениями, что их приходилось изолировать от общества. Для времени Флоры эта специфическая деятельность являлась пройденным этапом, и надзору на смену пришёл нейросетевой контроль поведенческих общинных реакций жителей поселений на планетах Солнечной системы и других звёзд. Превентивные меры воздействия на психику переселенцев предотвратили многие виды преступлений, характерных для челове-

чества после его выхода в космос.

Впрочем, в две тысячи семьдесят седьмом году, куда послали Терентия и Флору (его – из две тысячи сто пятидесятого, её – из две тысячи двести второго года), их специальностей ещё не существовало, и оба выполняли одно и то же задание: выяснить, по какой причине началось затухание земного светила. В данном контексте они играли необычную роль разведчиков в собственном прошлом.

В доме зазвучала тихая приятная музыка. Свирид хорошо знал предпочтения хозяйки в сфере быта и развлечений и всегда включал музыку под настроение, определив его комплексом датчиков умного дома по поведению и речи девушки. На этот раз ушей коснулась ласкающая слух мелодия по произведениям русских композиторов, созданная нейросетью. Едва не заслушавшаяся Флора разделась в спальне и влезла в ванну, снабжённую всеми необходимыми для женщины средствами.

Свирид привычно высветил в толще стены цифры состояния организма – температуру тела, частоту дыхания, сердечный ритм, насыщение крови кислородом, состав пота на коже, жёсткость волос и ещё кучу всяких показателей, на которые она никогда не обращала внимания, – и предложил нужный для релаксации режим.

Флора согласилась.

Включился озонированный душ.

Она смыла с себя всё лишнее, накопленное кожей за день,

и влезла в благоухающую свежестью и запахами трав ванну. Закрыла глаза. И нахлынули воспоминания.

Прощание с Ульем, удивительной разумной сверхсистемой, образовавшейся в таком далёком будущем из тысяч и тысяч разумов разного уровня, что никакие изменения реальности в прошлом не могли повлиять на её состояние, прошло на удивление просто и обыденно. Для контакта с землянами, являвшимися одними из предков Улья, он создал переговорщика в виде человека, и тот объяснил ошибку патрона, крившуюся в том, что солнечный Улей, посланец Большого Улья, промахнулся во времени, начав откачивать энергию Солнца на сто пятьдесят лет раньше. После этого он пообещал гостям исправить ситуацию, то есть свернуть комплекс лимб откачки, а пленников солнечного Улья освободить. Кроме этого переговорщик предложил Терентию и Флоре вернуть их в свои времена, с чем они, разумеется, согласились. Хотя Терентий хотел перебраться не в своё время, а во время Флоры, в две тысячи двести второй год. Однако Флора почему-то вернулась в родное время одна, а где оказался Терентий, можно было только гадать. Вполне возможно, Улей отправил его в две тысячи семьдесят седьмой год, где он и жил какое-то время под личиной простого инженера-биотехнолога.

И ещё одно обстоятельство смущало агентессу Ликвидугро всё больше и больше: Большой Улей, по сути, проговорился, сообщив, что его посланник солнечный Улей промах-

нулся на сто пятьдесят лет, объяснив это сохранившейся в памяти информацией о катастрофе, ожидавшей Солнце в начале двадцать третьего века. Оно должно было взорваться, и он полагал, что, отсасывая его энергию, ничем не вредит человеческой цивилизации, потому что к этому моменту она должна была исчезнуть. В таком случае в две тысячи двести втором году людям оставалось существовать всего пять-шесть лет, если человечество не сможет предотвратить катастрофу. А знал об этом в данный момент только один человек – сама Флора.

Ещё до отправки её в две тысячи семьдесят седьмой год по сохранившимся в памяти компьютеров историческим хроникам было известно, что Солнце действительно пережило в этот период странный спад активности, отразившийся на Земле многими бедствиями. Последствия падения температуры воздуха на планете и нового оледенения Северного Ледовитого океана удалось нейтрализовать лишь через двадцать лет, к концу века. Однако если причины падения мощности земного светила были освещены в соцсетях хорошо (так как тогда едва не началась бомбардировка Солнца флотами многих государств), то информация о героях, позволивших добиться понимания «агрессора из будущего», загадочного Улья, и успешно решивших проблему, замалчивалась зарубежными СМИ, а их успехи даже были объявлены «угрозой для человечества».

Впрочем, Флору послали в этот год не столько для выясне-

ния новых обстоятельств нападения на цивилизацию, сколько ради расследования, не связано ли это нападение с новым явлением на Солнце – увеличением его яркости и мощности излучения. Об этом она рассказала и Терентию, когда тот признался, что он тоже следователь, хотя и нештатный, но оба так и не нашли связей между обоими разнородными процессами – уменьшением светимости и её увеличением. А спросить Улей о причинах последнего путешественники в гугол-будущее⁷ не успели. Улей отправил их обратно по домам.

– Как вы себя чувствуете, Цветочек? – мурлыкнул в ванной голосок Свирида.

Флора очнулась.

– Великолепно! Усну – не буди.

– Как прикажете. Спинку потереть?

– Я тебе потру! – фыркнула девушка. – Это что за вольности?

– Пардон, сударыня, – огорчился компьютер. – Это я насмотрелся слезливых исторических мелодрам. В одной из них фаворит царицы предлагает ей в баньке потереть спину.

– В баньке? – не поверила Флора.

– Так точно.

– Что за мелодрама?

– Новый псиреал с полным погружением в жизнь российской императрицы Екатерины Второй.

⁷ Имеется в виду время за пределами десяти в сотой степени лет.

– Бред!

– Совершенно с вами согласен. Может быть, во что-нибудь поиграем для повышения настроения? Или поаватарствуем?

Флора начала задумчиво одеваться.

Иногда она действительно на ночь залезала в какую-нибудь игру для релаксации или успокоения души. Но аватар-путешествия не любила. Программа эйдоскрина внедряла её в животное или существо, приспособленное к жизни в экстремальных для человека условиях. Обычно такими виртуальными путешествиями увлекались молодые люди в возрасте от четырнадцати до двадцати лет, хотя не отказывались и взрослые. И всё же в жизни Флоре хватало экстрима, и она предпочитала бродить по красивым местам Земли и планет Солнечной системы натурально.

– Не слышу, – мягко напомнил Свирид.

Она очнулась.

– Мне сейчас не до игр. Приготовь овощное рагу и облепиховый мусс.

– Слушаюсь, Цветочек.

– И перестань называть меня Цветочком! – рассердилась девушка. – Что за прихоть тебя посетила?

– Прошу прощения, это из другого сериала...

– Забудь! И перестань смотреть сериалы!

– Будет исполнено, госпожа!

Флора невольно рассмеялась. Многие из её подруг и при-

ателей в качестве базы бытового служителя выбирали собственный интеллект и даже характер, что позволяло им вести себя с домашними искинами как с живыми братьями и сёстрами, не боясь откровенных разговоров вплоть до интимных предпочтений. Но она выбрала другую программу, и Свирид вёл себя как сокурсник по универу. В своё время Флора училась в столичном цифроне ЕРСУ, и ей там нравился парнишка по имени Кларик, вот его она и сделала прототипом Свирида.

Ужин прошёл в тёплой и дружеской обстановке, как говорится в таких случаях. Свирид не надоедал, давая хозяйке полную свободу действий и не нарушая ход мыслей. Флора же, перебрав в памяти подруг, решила полностью отвлечься от воспоминаний в безумно далёкое будущее. Она понимала, что воспоминания эти будут преследовать её ещё долго.

Однако отвлечься «от будущего» не удалось.

Во-первых, первая подруга детства Катя была занята и пообещала позвонить позже.

Вторая подруга Ия Великанова, такой же надзорник, как она сама, находилась в данный момент в Китае и присоединиться к Флоре не могла, ни онлайн, ни вживую.

– У меня всего минутка, – сказала черноглазая, миниатюрная, похожая на китайку Ия. – Ты не представляешь, что тут творится! Я знала, что китайцы первыми применили цифранж и нейросети для контроля населения, но не думала, что они превратят страну в цифровой концлагерь, так как от-

слеживают поведение и эмоции не только каждого взрослого жителя Поднебесной, но и детей в утробе матери! К примеру, ты в курсе, что они всем детям поголовно встраивают при рождении в сетчатку глаза систему мобильного интернет-подключения?

– Нет, не в курсе, – с удивлением ответила Флора, вспомнив речь Большого Улья, который попенял землянам на их увлечение цифровыми технологиями до разработки законов их применения.

– Теперь они поголовно киборги и называют себя футурсинами, то есть «постлюдьми».

Флора фыркнула.

– Футурсины? Круто!

Ещё учась в универе, она с интересом изучала предпосылки развития интернета и мобильных устройств связи, расширяющих кратковременную память человека при помощи нейронных сетей. К две тысячи семидесятому году нанотехнологии действительно позволили увеличить их ментальные способности, но до превращения людей в киборгов так и не дошло. Хотя наравне с нормалами – людьми нормально-го происхождения – появились и так называемые дополненные (с частью органов, заменённых искусственными) и вообще изменённые, так называемые измы, имеющие человеческую оболочку и усовершенствованные гаджетами организмы. Впрочем, искусством и научным творчеством по-прежнему занимались нормалы, хотя нейросети и показывали чу-

деса эмерджентности и создания компиляций, почти не отличимых от человеческих шедевров.

К счастью, в России не были введены до конца в строй нейросетевые системы тотального контроля, как в Китае, хотя попытки такие были, особенно в начале двадцать первого века. Закон, запрещающий следить за россиянами и считывать по лицам их эмоции, приняли ещё в далёком две тысячи двадцать девятом году, когда к власти вместо прежних ревнителей цифровых технологий пришли вменяемые люди, понимавшие всю пагубность проникновения цифры в жизнь человека. С тех пор этот закон продолжал действовать, хотя с каждым десятилетием приходилось бороться за его неукоснительное применение.

– Они считают нас людьми второго сорта, – продолжала Ия, не заметив паузы, – как раньше считали американцы и британцы.

Флора нахмурилась.

О китайском образе жизни давно ходили легенды, потому что КНР после четырёх китайских войн: с Тайванем, Индией, Россией и Японией – отгородилась от всего мира второй «китайской стеной», пусть и не каменной, а логически-информационной. Однако в начале двадцать третьего века многие страны сделали то же самое, решив жить по своим, а не по евро-американским принципам и «ценностям». И всё же Китай опередил всех и по развитию, и по научным исследованиям, и по военной мощи. Ни одно государство или

технологический союз не могли бы сейчас потягаться с ним в сражении за лидерство. К счастью, последний руководитель страны не жаждал власти такого масштаба, и китайцы ни с кем не воевали, не считая конкурентных стычек в области айти-технологий. И они же первыми создали единое биокомпьютерное пространство, слившись с искусственным интеллектом, превратив страну в гигантский компьютер. Как там сказала Ия? Цифровой концлагерь? А не прообраз ли это Большого Улья, системы сверхразума, ожидавшей все сохранившиеся умы в невероятно далёком будущем?

– Что? – спросила она, услышав голос подруги.

– Ты где-то в другом мире, – хихикнула Ия.

– Дома, вернулась из... командировки. А что ты делаешь в Китае?

– Тоже в командировке, веду переговоры по освобождению нашего человека и отправки его в Россию. Дело сложное, объяснять долго, а за мной следят как за сбежавшим преступником. Хорошо, что ты позвонила по защищённой линии.

– Звони, когда сможешь.

– Хорошо.

Лицо Ии в фокусе вижн-системы исчезло.

Флора задумчиво сделала глоток мусса, хотела позвонить маме, но раздался звонок, который и вернул мысли девушки к теме её «командировки». Звонил Степан Холост, начальник отдела спецопераций Ликвидугро, который и посылал

её в две тысячи семьдесят седьмой год. Фамилия Степана давно служила для подчинённых источником шуток, однако это не мешало ему заводить семьи чуть ли не каждый год. Он был по-мужски красив, строен, выглядел спортивно, да и всерьёз занимался спортом, и нравился всем женщинам в системе Ликвидугро. Он и Флоре неоднократно предлагал «руку, сердце и крутой секс», однако был не в её вкусе.

– Нам нужно поговорить, – сказал он.

Терафим Флоры, игравший роль чип-секретаря (такие гаджеты выращивались всем, кто хотел иметь «дополнительные» органы тела) не без юмора воспроизвёл Холоста в виде римского императора, одетого в роскошную тогу, на фоне моря, и она поняла, что начальник отдела звонит не из офиса.

– Говори, – сказала она равнодушно, велев терафиму подключить её к линии видеосвязи в кодировке официала. Перед незнакомыми абонентами она представляла в виде офицера федеральных структур с символикой майора.

Степан понял, усмехнулся.

– Может, поговорим в натуррежиме?

– Не сегодня, я не в настроении.

– Это важно.

– Всё, что знала, я сообщила.

Холост помолчал, разглядывая лицо девушки.

Вижн-система позволяла абонентам разговаривать так, словно они находились рядом. Можно было даже при жела-

нии поцеловать собеседника либо при необходимости дать пощёчину. Последняя мысль Флору развеселила.

Он заметил дрогнувший уголок губ собеседницы.

– Ты не одна?

– Не угадал. – Она с усилием преодолела зевок. – Товарищ полковник, я устала и хочу отдохнуть.

– Хорошо, поговорим завтра. Один вопрос: кто такой Терентий Дергачёв?

– Я говорила.

– По нашим хроноданным в две тысячи семьдесят седьмом году такой человек не зарегистрирован в сотрудниках нашего предшественника в лице ЦЭОК.

Она приподняла бровь.

– Он был заброшен в две тысячи семьдесят седьмой из две тысячи сто пятидесятого. Там Терентий – надзорник, спец по контролю за возвращавшимися из дальнего космоса. В нашем времени такого подразделения нет.

– Распущено ещё в две тысячи сто девяностом.

– Я поняла так, что их Коскон заподозрил, что в Солнечной системе работает шпионская сеть какой-то недружественной цивилизации, и перестраховался, подключив к своему расследованию незасвеченного человека – Терентия. А для того, чтобы ни у кого не возникли подозрения в том, что он работает на контрразведку, ему придумали легенду с учёбой во Владивостоке и работой в Екатеринбурге в качестве инженера-биотехнолога. Потом устроили экскурсию к Солн-

цу, чтобы он разобрался с происходящими на нём безобразиями.

– Так вот, мы подняли секретный исторический пласт две тысячи семьдесят восьмого года и обнаружили, что твой спутник погиб на Солнце вместе с группой туристов. Обрат-но на Землю он не вернулся. Мало того, о нём нет никаких упоминаний и в самом ЦЭОК.

Флора свела брови.

– Что ты хочешь сказать?

– Что вместо Терентия в Систему был заслан агент...

– Улья! – фыркнула она. – Кринж! Он вёл себя абсолютно адекватно и не раз спасал мне жизнь.

– Тем не менее твои эмоции не снимают подозрений с этого типа.

Флора вспомнила слова Улья: эмоции на самом деле представляют собой вершину развития человека. Но вслух повторять их не стала.

– Можешь подозревать Терентия в чём угодно, но обвинять его в шпионаже в пользу недружественных цивилизаций я не позволю.

Холост иронически изогнул губу.

– Он тебе так нравится?

– Да! – с вызовом ответила она. Добавила сердито: – Нравится! Терентий не идеал, но он человек!

– Ладно, верю, – с неожиданным миролюбием проговорил «римский император». – И всё же он чей-то разведчик, пусть

не Улья, какого-то другого Разума, но аналитики утверждают это в один голос.

Флора прикусила губу.

– У тебя всё?

– Жду завтра в десять в офисе. Будет решаться судьба двух проектов: первый – поиск причины, по какой Солнце начинает разогреваться в наше время, едва восстановившись после угасания в две тысячи семьдесят седьмом, и второй – выяснение, кто такой Терентий Дергачёв и где он сейчас.

– Это ваши проблемы! – не сдержалась она.

– Первая скорее проблема учёной братии и контрразведчиков, вторая наша. Всё-таки мы отвечаем за ликвидацию угроз такого масштаба. А ежели ещё точнее – проблема твоя, потому что ты контактировала с Терентием. Будь готова её решать.

Изображение Холоста перед глазами девушки свернулось в точку.

Флора заметила, что продолжает держать в руке чашку с муссом, машинально допила остаток.

«Что он сказал?» – пришла отстранённая мысль. Контрразведка подозревает Терентия в шпионаже? В чью пользу? На Улей он точно не работает. Тогда на кого?

Чашка выскользнула из ослабевших пальцев, однако она успела её подхватить. Улыбнулась, с одной стороны расстроившись из-за непонятной расслабленности, с другой хваля себя за реакцию.

Кто же ты, друг мой? Биотехнолог, чемпион по соревнованиям на скорость управления нанитами. Секретный сотрудник Коскона две тысячи семьдесят седьмого года. И можно ли верить твоим словам о радости, с какой ты согласился переместиться со мной, а не возвращаться в свой две тысячи сто пятидесятый? И почему тебя не оказалось рядом в бункере Хроныра?

– Что-то ещё, мадам? – раздался голос Свирида.

Она спохватилась. Вопросов видеовизит Степана оставил много, но ни на один у неё ответов не было. В том числе на главный: кем на самом деле является надзорник Терентий Дергачёв, о котором ни в две тысячи семьдесят седьмом, ни в две тысячи сто пятидесятом году не осталось никаких сведений.

Локация 5. Земля. Екатеринбург. 2150

Хронопорт под Екатеринбургом, принадлежащий военно-исследовательскому хабу «Росзащита», располагался в сосновом бору в распадке между двумя невысокими горными хребтами. Когда-то здесь добывали медь и малахит, о чём в своих замечательных сказах поведал писатель Павел Петрович Бажов, увековечив быт и жизнь добытчиков поделочного камня. А старательные артели просуществовали недолго, до начала Великой Отечественной войны, после чего рудные жилы и запасы малахита истощились, и шахты забросили.

Однако в середине двадцать первого века о них вспомнили и приспособили для устройства военной базы. А в две тысячи шестьдесят первом году здесь обосновалась секретная лаборатория Министерства обороны России, экспериментировавшая со временем.

Чуть позже к ней присоединились другие военные институты, разрабатывающие экзотические виды оружия и защиты населения от беспилотников, ракет и спутников-камикадзе, объединившись в настоящий хаб, главную роль в котором по-прежнему играла лаборатория времени. Там же и был создан первый в мире хроноускоритель, пытавшийся вопло-

тить в жизнь идеи великих учёных прошлого. Правда, к две тысячи семьдесят седьмому году, куда забросили Дергачёва, эксперименты с хроноускорителем пока не дали положительных результатов, но в две тысячи сто пятидесятом, откуда его и посылали, хроноускоритель наконец начал работать, хотя случались и неудачи. А так как путешествия во времени можно было использовать в качестве оружия, лабораторией по-прежнему руководили военные, потому что к этому моменту ООН озаботилась разработкой целого набора инструкций по запуску операторов в прошлое и будущее и предложила обсуждать цели каждого запуска на международной комиссии. Но так как при этом права разработчиков, то есть российских учёных, практически не учитывались, «Росзащита» отказалась принимать комиссии, засекретив все работы в этом направлении. Решение об отправке Терентия в две тысячи семьдесят седьмой год принимал не Совбез СОН (эта организация возникла из преобразованного ООН и стала называться Союзом), а Совет безопасности России, а в его задачу входило расследование причин угасания Солнца как явления, влияющего на всё человечество.

Так как после четвёртой войны Китая, на этот раз с Японией, в две тысячи сто сорок первом году, в мире начался процесс деглобализации, то есть разделения народов на дружественные и конкурирующие системы (не обязательно – государства), «Росзащиту» стали использовать и для других целей, хотя в приоритете оставалась одна задача – защита

России всеми доступными средствами.

От Флоры Терентий ещё во время путешествия в будущее узнал, что в две тысячи двухсотом году в долине возвели хронопорт, получивший название Хроныр, и Флору послали в две тысячи семьдесят седьмой уже оттуда. Почему это стало возможно, им ещё раз объяснил «на пальцах» Большой Улей, утверждая, что путешествия во времени реальны. Терентий, разумеется, знал теоретические предпосылки хронопутешествий, основанные на симметрии физических законов, допускающих перемещение во времени как вперёд, так и назад. Парадоксы же, возникающие при отправке в прошлое, нивелировались постулатом физика Хью Эверетта о существовании Мультивселенной. Он утверждал, что Вселенная разветвляется каждый квант времени на копии, которые реализуют все допустимые варианты бытия. Но одно дело рассуждать об этом теоретически, другое – решать практически, и даже Большой Улей, система далёкого Пост-Разума, не мог подтвердить, существует ли Мультиверс или нет, так как сам остался в опустевшей при непрерывном расширении Вселенной.

Терентий поэтому не знал, попадёт ли он в тот же мир, из которого стартовал, или выйдет из портала в другом, мало отличающемся от родного. Когда Большой Улей отправлял гостей в прошлое, они обговорили с ним условие, что их переправят вместе в две тысячи двести второй год, то есть в мир и время Флоры. Однако что-то пошло не так.

Подумав о ней, он осмотрел бункер, спутницу не обнаружил, и первой его мыслью было: он опередил её. Но секунды щёлкали за секундами, Флора не появлялась, и Терентий с разочарованием понял, что Улей почему-то перебросил его одного, и не в две тысячи двести второй год, а в его исходный две тысячи сто пятидесятый. Вслед за первой пришла другая мысль: Улей запульнул его в другую метавселенную. Испытав панический страх, Терентий рванулся к выходу, но когда увидел за дверью модуля из рабочей зоны хронопорта бункер кубической формы, кресло как в рубке космолёта, стены – приборные панно и объёмные экраны – виомы, – вздохнул с облегчением, отметив, что никаких изменений в облике операторов не произошло. Единственным отличием обстановки перед запуском и после возвращения оказалось их количество – шестеро вместо трёх – и то, что начальником смены был другой человек. Впрочем, это Терентия не удивило, просто его встретила другая смена.

– Привет, – сказал он, улыбаясь. – Я вернулся.

Ответом ему было молчание и удивлённые взгляды четырёх мужчин и двух женщин.

– Что вы так смотрите? – удивился Терентий.

– Мы вас... не ждали... так поздно, – пробормотал средних лет мужчина с красными волосами и такого же цвета бровями. На рукаве его синего уника светился шеврон с буквами НДС.

– Что значит – так поздно?

– Вы вернулись на сутки позже.

– Ну и что?

Операторы переглянулись.

А Терентий вдруг понял, в чём дело. Хронопорт мог подстраивать возвращение перемещённого с точностью до микросекунды, что он и делал прежде с другими посыльными и самим Терентием. Путешественник отправлялся в любое время и мгновенно возвращался обратно, сколько бы времени он ни находился в прошлом. Однако на сей раз Терентия возвращал обратно не компьютер портала, а Большой Улей, воспользовавшись хронопортом, а поскольку обратный путь укладывался в невообразимо огромное количество лет – больше десяти в сотой степени! – то рассчитывать временные координаты момента возвращения не смог даже этот Сверхразум.

– Были... проблемы, – признался Терентий.

– Но ведь вы... – начал сосед краснобрового, совсем юный, с тату-сервером на бритом виске; парнишка сделал себе кванк-расширение, считая это признаком крутости.

– Что я?

– Беник! – осадил его краснобровый.

– Мне надо привести себя в порядок, – не дождался продолжения Терентий. – Доложите командованию, что я буду готов к докладу через час.

– Боюсь, что... – Краснобровый не договорил.

В зал торопливо вошли трое: молодой человек в зелено-

ватом унике официала военной службы, беловолосый, с замкнутым лицом и чёрными глазами навывкате, и двое плечистых парней в костюмах службистов. От людей они ничем не отличались, если не считать их габаритов, но это явно были функционалы защиты с искусственным интеллектом, варботы.

– Терентий Дергачёв? – спросил негромко беловолосый.

– А разве вы ждали не меня? – осведомился надзорник.

– Идёмте с нами.

– А вы кто?

– Вам всё объяснят, следуйте за мной.

– Куда?

– Вас ждут в офисе президента.

– Президента России? – пошутил Терентий.

– Президента корпорации «Хроноход», – без улыбки ответил беловолосый.

– Что за корпорация? Хроныр поменял название?

– Вам всё объяснят, – терпеливо повторил официал с узеньким погончиком на левом плече: чёрный орёл в красном круге и четыре звёздочки.

«Интересно, что это означает? – пришла мысль. – У капитана три звезды, а кто обладатель четырёх?»

– Прошу. – Беловолосый отступил в сторону.

Терентий бросил взгляд на лица его спутников, вовсе не квадратные и тупые, какими их стандартно описывали в своих произведениях фантасты далёкого двадцатого века. Мож-

но было напасть на них внезапно и вывести из строя если и не приёмами рукопашного боя, то уж стопроцентно уколами нанитов, тем более что надзориков прекрасно готовили, обучая воинским искусствам. Но мысль мелькнула и исчезла. Ещё к середине двадцатого столетия навыки рукопашного боя почти потеряли смысл. Во-первых, из-за участвовавшего применения робототехнических систем и функционально ориентированных механизмов. Во-вторых, из-за распространения цифровых и нанотехнологий. Уже к середине двадцать первого века появились так называемые матричные методы программирования людей, внедряющие в их память необходимые знания. Матричными их называли вследствие использования героями блокбастера «Матрица», где цифровой копии человека за один клик можно было влить в голову любой контент, любую практику, минуя долгие месяцы и годы тренировок. Естественно, Терентию тоже вписали в сознание такую программу под названием «Бумеранг», разработанную на базе лучших боевых практик мира, хотя ради оттачивания и совершенствования приёмов он ходил три года в школу боевых искусств «Адекват». Только там его научили практике UPR – управляемого рефлексорного реагирования, увеличивающего реакцию организма едва ли не до компьютерных скоростей.

– Хорошо, идёте, – расслабился он, не показывая, что обеспокоен.

Вышли из отдельно стоящего здания хроноцентра и за-

шли в соседнее, напоминающее хрустальную друзу высотой в сто метров, увенчанную красивыми лучами кристаллов. В этой друзе располагался штаб исследовательского комплекса с резиденцией его руководителя.

Наступил вечер. Над склонами холмов и невысоких горных складок собирались тучи: система екатеринбургского климат-контроля собирала дождь. Было жарко, что соответствовало погоде июля, но не душно. Леса вокруг хаба, к счастью оставшиеся невырубленными в прошлом столетии, прекрасно снабжали местность кислородом.

Пронзающий лифт забросил процессию из четырёх человек на самый верх здания. Кабинет президента комплекса располагался в одном из кристаллических отростков «друзы» и представлял собой современный рабочий модуль, стены и потолок которого могли отражать любой пейзаж. В настоящий момент они казались собранными из янтарных плит, испещрённых светящимися прожилками, чтобы не мешать беседующим.

Хозяин модуля был не один.

Он сидел в удобном кресле, напоминающем ложемент космического корабля, перед столом, крышка которого играла роль операционного вириала, и разговаривал с двумя посетителями, сидевшими напротив в креслах попроще.

Терентий ни разу за время службы в надзоре не был в кабинете президента, да и его видел впервые, поэтому с интересом осмотрел интерьер и хозяина.

Интерьер был знаком по другим помещениям подобного рода, где бывал Терентий, и отличался лишь количеством функционалов и дизайнерских решений.

Президент «Хронохода» был плечист, молод, вполне возможно даже возраста Терентия, и выглядел внушительной глыбой развитых мышц. Что, впрочем, было не в диковинку, поскольку нынче каждый мог вырастить себе любой мускульный каркас. Лицо его, безупречных «греческих» линий, было безмятежно спокойно, и лишь в прозрачно-голубых льдистых глазах посвёркивали иронические искры. Причёска у президента была вполне молодёжная: каре серебристых (но не седых) волос, свитых в косички, которые заканчивались сверкающими каплями алмазов.

Собеседниками президента были двое мужчин разного возраста в костюмах повседневной носки, называемых униками. Никаких шевронов и знаков различия на них не было. Один товарищ, лет шестидесяти, с квадратным каменным лицом, глядел на мир карими глазами и казался угрюмым. Возраст второго определить с первого взгляда оказалось трудно. Ему можно было дать и тридцать, и семьдесят лет. Зато лицо подвижное, толстощёкое, а губы норовили сложиться в улыбку.

С обоими Терентий никогда прежде не встречался.

– Свободны, – посмотрел на конвоиров Терентия президент; голос у него был полон басовитых нот. – Подождите в приёмной.

Троица во главе с беловолосым командиром исчезла.

Хозяин кабинета перевёл взгляд на гостя.

– Проходите, садитесь.

Чуть сбоку от стола выросло кресло, такое же, в каких сидели собеседники президента.

Терентий сел.

– Знакомьтесь. – «Глыба мышц» посмотрела на мужчину с квадратным лицом. – Полоний Кумин, универтор.

Квадратнолицый кивнул.

Президент перевёл взгляд на его соседа.

– Норм Окоёмов, хрономик, заместитель директора криптоннадзора.

Терентий с любопытством посмотрел на готового улыбнуться мужчину. По сути, это был его начальник, поскольку он руководил надзориками. Правда, и с ним Терентий никогда в жизни не пересекался. Да и фамилию Окоёмов слышал впервые. Он ожидал, что замдиректора улыбнётся, однако этого не случилось. Впечатление сочувствующего доброго собеседника оказалось обманчивым. Окоёмов не только не улыбнулся, но даже не мигнул, изучая оперативника тёмными и вовсе не улыбчивыми глазами.

– У нас возникли вопросы, капитан, – продолжил президент.

Терентий почувствовал себя неуютно.

– Готов ответить.

Президент глянул на квадратнолицего.

Должность этого человека – универтор – ничего Терентию не говорила, и он решил, что, скорее всего, она принадлежит какой-то научной деятельности.

– Вы опоздали на сутки, – скрипучим голосом проговорил Кумин.

– Операторы мне уже сообщили об этом, – сдержанно сказал Терентий. – Но ведь не я лично выбираю момент возвращения, процессом управляет Рапид, кванк хронопорта. Он и рассчитывает время.

– Произошло нечто странное, – тенорком произнёс обманчиво-улыбчивый Окоёмов. – Рапид не участвовал в... гм, гм, процессе.

Терентий поёжился, подумав, что если бы он ещё в зале хронопорта объяснил, откуда прибыл, сейчас ему этот вопрос не задали бы.

– Рапид... не участвовал?

– По заявлениям операторов он включился спонтанно. Хотя это не главное.

– А что... главное? Я собирался сделать обстоятельный доклад о моей командировке...

– Ещё успеете.

– А главное в том, – мрачно пробурчал Кумин, – что, по нашим сведениям, вы погибли в две тысячи семьдесят восьмом году. Яхта «Синтрейл» со всеми туристами сгорела на Солнце. В отчётах спецслужб того времени не сохранилось ни одного упоминания вашего имени. Можете объяснить,

почему и как вы выжили?

Терентий озадаченно оттопырил губу.

– Ну, правильно, я же не вернулся в то время, раз меня высадили здесь? Поэтому и упоминаний нет.

– Высадили? Кто?

– Улей... вообще-то давайте я коротко расскажу о том, что произошло, а к вечеру напишу обширный доклад.

Собеседники посмотрели на президента.

Тот кивнул.

– Только покороче.

– О существовании Улья вы знаете...

Оба собеседника президента обменялись скептическими взглядами.

– Прошло почти сто лет с момента появления на Солнце системы, названной Улем, – проворчал Кумин. – О ней написаны тысячи статей и комментов в Сети, но она исчезла к концу две тысячи семьдесят восьмого года и больше не объявлялась. Что вы можете добавить?

– Я был в гостях у Большого Улья, – сказал Терентий, вызвав изумление на лицах всех присутствующих, в том числе и президента. – Он представляет собой киберпространство, заселённое мыслящими облаками индивидуальных носителей разума многих поколений, в большинстве своём негуманоидного. Да и сам Улей является Сверхразумом, а точнее – постразумным образованием.

– И где же этот Сверхразум обитает? – недоверчиво хмык-

нул Окоёмов.

– В будущем.

Слушатели переглянулись с теми же скептическими полуулыбками, но Терентий остался невозмутим.

– В очень далёком будущем. Он и отправил нас... э-э, меня, в моё время, нестандартным способом. Отсюда и моё опоздание.

– Вы... побывали... в далёком будущем? Самовольно? В каком же веке, позвольте узнать?

– Век определить не имею возможности, вряд ли можно сосчитать точно количество пройденных лет. Но их больше десяти в сотой степени. Это больше гугола лет.

Собеседники ошеломлённо повернулись к президенту, словно призывая его в свидетели обмана, и снова впились глазами в путешественника «за гугол времени». Терентий понял их чувства, потому что они действительно не знали в подробностях, что произошло на Солнце, считая при этом, что посланный ими надзорник погиб или пропал без вести.

– Давайте всё же по порядку, – пришёл в себя президент «Хронохода».

И Терентий начал рассказ.

* * *

Рассказ пришлось повторять четырежды, с записью в память кванков комплекса: директору Коскона Фарниеву, по-

том министру обороны, директору ФСБ и, наконец, комиссии экспертов физического кластера, расположенного в Плесе и имеющего полигон, космодром и базу для космического спецназа. Не ожидавший такого интереса к егоключениям Терентий устал, так как отдохнуть ему не давали, но рассчитывал вернуться домой к ночи и впервые за месяц отсутствия, если не больше, выспаться в спокойно обстановке вдалеке от всех Ульев и проблем, с ним связанных.

Однако все его планы рухнули, когда после всех встреч его повезли не в столицу, где он владел квартирой в новой высотке на площади Уральского следопыта, а за пределы города. Сопровождала его та же троица сотрудников хронопортала под командованием беловолосого парня, чьего имени Терентий так и не узнал, а за пределами хроноцентра к ним присоединилась ещё одна троица парней, но уже совсем другого облика. Все трое были формами, то есть функционалами сервиса VIP-охраны, и держались они крайне настороженно, будто клиент представлял опасность для окружающих.

Самое интересное началось позже, когда гравиплан класса «пинасс» с эмблемой авиапатруля высадил пассажиров на крыше одной из трёх цилиндрических башен МФЦ Екатеринбурга, в которых располагались конторы большинства силовых и полицейских структур столицы.

Встретили сопровождающих Терентия ещё двое мужчин, среди которых выделялся фигурой старик лет восьмидеся-

ти, в отличие от брутально мощных спутников выглядевший человеком, соблюдавшим какой-то религиозный пост и воздерживающимся от еды не меньше месяца. Он был высок, невероятно худ и бледен, хотя на его аскетическом лице лежала начальственная печать, а в тёмных глазах мерцал огонь ума и воли. Белый уник-официал сидел на нём как на скелете, подчёркивая худобу, но при этом фигуру не обезобразил.

– Идёмте со мной, – сказал он, поздоровавшись, но не подавая руки.

Терентий проводил взглядом сопровождавшую его группу парней, забравшихся обратно в аппарат, который тут же улетел.

– Куда? – осведомился молодой человек, начиная прозревать.

Старик юлить и увиливать от ответа не стал.

– До выяснения всех обстоятельств вашей деятельности в командировке вам надлежит побыть в месте временного ограничения свободы.

– В СИЗО, что ли?! – удивился Терентий.

– Нет, это не следственный изолятор, всего лишь реабилитационный центр надзорного комплита.

– Но за что?!

– Мы не можем рисковать, – мрачно и в то же время с огорчением ответил старикан. – Из хроноквестов всё чаще стали возвращаться странные персонажи, ведущие себя неадекватно. Вы не первый, кто рассказывает подробности,

не находящие исторического подтверждения и объяснения в соответствии с событийным потоком нашего времени.

– Но почему такими делами занимаетесь вы, а не контрразведка?

Старик усмехнулся.

– Коскон решает более важные проблемы. Идёмте же, я тороплюсь.

– Кто вы?

– Винсент Рогов, прокуратор «Хронохода».

Двинулись к лифту и через минуту спустились на нижний этаж здания.

Терентий ожидал, что его запрут где-нибудь в помещении наподобие тюремной камеры, но ошибся. Светлый коридор со стенами салатного цвета привёл делегацию в круглый холл, имеющий центральную группу мебели для бесед: пальма, диванчики, кресла, бар – и шесть дверей со светящимися в толще номерами от одного до шести.

Народу здесь было мало, и на вошедших никто из сидящих на диванчиках не обратил внимания. Терентия проводили к двери с номером «2», она открылась, и он вошёл.

Комната была погружена в темноту, но стоило в ней появиться людям, как стены превратились в окна, и Терентий оказался в номере отеля, расположенного где-то на берегу моря. Приглядевшись к ландшафту, пальмам и форме зданий на берегу, он узнал Бали, где бывал не раз. Разумеется, это были витейры – обои с компьютерной подпиткой, выда-

ющие изображения, не отличимые от реальных. С удивлением Терентий повернулся к прокуратору с мыслью: интересно, чем занимается этот человек? Если верить Булгакову⁸, прокураторы тысячелетия назад являлись представителями судебной и карающей системы.

Заметив его взгляд, старик растянул бледные губы в линию.

– Можете по желанию сменить цифранж.

Терентий кивнул.

– Насколько я ограничен в... пространстве?

– В пределах комплекса. Повторяю, это не СИЗО, мы не тюремщики, а вы не заключённый. Но вам лучше не проверять границы дозволенного. Думаю, ваше одиночество не продлится больше суток.

– И за то спасибо. Я могу принимать гостей?

– Воздержитесь. Скоро к вам придут спецы особой комиссии и кто-то из старших квалитентов, ведущих расследование. Вопросы по содержанию можете решать с местной сервис-сетью. Вызов в аудиорежиме – Берримор.

– Как? – удивился Терентий.

– Это имя обслуживающего комплекс кванка.

– Помещение под наблюдением?

Рогов с иронией посмотрел ему в глаза.

– Если я скажу «нет» – поверите?

– Нет, – рассмеялся Терентий. Он прекрасно знал, что в

⁸ Автор романа «Мастер и Маргарита».

нынешние времена системами контроля правопорядка насыщены не только производственные центры и хозяйственные службы, но и города, и коттеджные посёлки, и сельские агломерации, поэтому глазки видеокамер можно было встретить даже в туалете или в лесу.

– Всего хорошего. – Прокуратор повернулся и вышел.

Двое его спутников, не проронившие ни слова, молча последовали за ним. Дверь мягко закрылась. Терентий остался один. Посмотрел на руки, на лодыжки. С облегчением подумал, что ничего тревожного не происходит, раз браслеты для наблюдения ему не нацепили, и это порадовало. Он обошёл номер, отмечая его стерильную чистоту и наличие всего необходимого для проживания, поклацал пультом цифранжа, меняя пейзажи, выбрал поляну в лесу и сел на кровать. Проговорил вслух:

– С возвращением, майор надзора? Этого ты ждал?

Вопрос повис в воздухе.

Перед глазами возник образ Флоры.

Подумалось: интересно, а как встретили её? Если его встретили дома, подозревая, что он не тот, за кого себя выдаёт, может быть, и Флору тоже встретили не как героиню, спасающую в две тысячи семьдесят восьмом году мир от гибели?

Встретили дома...

Вновь пришла мысль, промелькнувшая ещё в зале хронопорта: домой ли он вернулся? Иначе почему возник такой

переполох с подозрениями?

Сердце сжалось. Захотелось пить.

– Берримор!

– Слушаю, сударь, – раздался бархатистый голос обслуживающего компьютера.

– Кофе, пожалуйста.

– Минуту, сударь.

– Стой, подожди, не кофе... хотя и кофе тоже... бутылочку шампанского, пожалуйста.

– Марка?

– «Абрау-Дюрсо», полусухое, розовое, урожая две тысячи двадцать третьего года.

– К сожалению, самое выдержанное урожая две тысячи восемьдесят второго года.

Терентий невольно улыбнулся.

– Годится, неси.

Через три минуты молодая девчонка-киб в форме сервис-персонала принесла заказ, открыла холодную, покрытую каплями воды бутылку и исчезла. Он наполнил бокал и сделал глоток, смакуя щиплющий язык и нёбо напиток. Проговорил философским тоном:

– А жизнь-то налаживается, господа присяжные заседатели?

Порвавшийся сквозь листву деревьев лесного цифранжа луч солнца уколол его в глаз...

Локация 6. Между прошлым и будущим

Идея о перекачке энергии из прошлого в свои закрома сначала показалась ему забавной. Но по мере размышлений над ней Рою стало не до забав, и ему захотелось воплотить идею в жизнь. Мешали только некоторые «области мозга» – облака индивидуальных сознаний, из которых и состояла система Сверхразума и которые сохранили традиции прежних носителей. В основном это были гуманоидные разумы, как они себя преподносили, носители которых имели голову, туловище, конечности – руки и ноги – и бинокулярное зрение. Но таких облаков в гиперкластере Роя было немного, и не более процента от общего количества нейросетей, и все они принадлежали белковой форме жизни, представители которой вымерли ещё на стадии формирования единой интеллектуальной коллаборации. Из-за принципиальных внутренних противоречий максимальной конкуренции выживали в их среде не самые толковые и творчески настроенные, а самые ловкие, хитрые, изворотливые и агрессивные, завоеватели и убийцы, хищники в самом жёстком значении этого термина. Естественно, все они стремились к власти любой ценой, отчего и начинали войны, как правило заканчивающиеся взаимным уничтожением всех конфликтующих сто-

рон.

Конечно, не все цивилизации Вселенной, расширившейся ко времени создания Роя до безумных масштабов, являлись хищными. Если мысль о посещении прошлых времён с целью воровства энергии принадлежала не гуманоидному облаку Роя (человек назвал бы представителей этого мыслящего вида драконами), то разумы человеческого типа (в Системе Роя их насчитывалось семь) возражали против варварского изъятия жизненных ресурсов у прошлых цивилизаций. Однако идея драконов была с энтузиазмом принята другими интеллект-облаками Роя, и, хотя его нельзя было назвать стопроцентным хищником, скорее – конструктом равнодушия глобального масштаба, в конце концов он вынес решение исполнить замысел.

Первым делом Рой попытался выведать как можно больше сведений о попытке соседа, получившего название Большой Улей.

Это была такая же гиперсистема постразума, какой был и он сам, возникшая примерно в ту же эпоху угасания звёзд и достигшая немалого могущества, сравнимого разве что с сущностью «БОГ», то есть обладавшая технологиями «без ограничений». Опирируя ими, она могла создавать любые материальные структуры, манипулируя вакуумом как человек пластилином, то есть континуумом, состоящим из крошечных суперструн⁹, а также имела возможность развёрты-

⁹ Кванты пространства называются структурами Калаби-Яу и представляют со-

вать измерения, свёрнутые в те же крошечные объекты. Возможно, в безбрежности Великой Пустоты, в какую превратилась Вселенная, существовали и другие суперсистемы познания, но Рой о них ничего не знал и не мог знать. В данное еле-еле ползущее время границы Вселенной в результате ускорившегося расширения убегали за горизонт со скоростью, намного превышающей скорость света, и даже владея способами векторной свёртки пространства, Рой не мог вырваться за пределы бесконечно увеличивающейся Пустоты. О существовании же Улья он знал лишь по той простой причине, что тот находился в пределах его локации. Расстояние до района сосредоточения Улья по человеческим оценкам не превышало десяти миллиардов лет. При желании Рой мог через квантовые вибрации вакуума легко поддерживать с ним связь. Но интереса к общению с равным себе у него не было. Точнее, налицо была антипатия, порождённая наличием в глубоком прошлом множества конфликтов индивидуальных, разумных облаков негуманоидного типа в общем интерфейсе Роя с облаками гуманоидного вида. Войн в те времена одних с другими велось предостаточно. А негуманоидов в нейросети Роя было почти стопроцентное количество, в отличие от Улья, в «мозгу» которого человекоподобного контента было гораздо больше. Тем не менее он заинтересовался действиями соседа.

Во-первых, Улей располагался точно в центре того все-

ленского объёма, который когда-то занимала галактика Млечный Путь. Под таким названием её помнили и гуманоидные облака самого Роя.

Во-вторых, Улей почему-то кинул хроноканал не к ядру галактики, а к рядовой звезде под названием Солнце. Возможно, это было сделано им неосознанно, под влиянием воспоминаний своих гуманоидных облаков, одно из которых основывалось на разуме белкового типа под названием «человечество».

В-третьих, оказалось, что в гостях у Улья побывали как раз представители человечества, индивидуальные разумы, имеющие личностные характеристики. И после общения с ними Улей вытащил свои хронощупальца из Солнца, оставив таким образом цивилизации людей шанс развиваться дальше. Правда, это не играло никакой роли для нынешнего состояния жизни опустевшей Вселенной: Солнце существовало огромное количество лет назад, и от него, как и от остальных звёзд и галактик, не осталось ничего.

Тогда Рой ради экономии средств и времени попытался установить параметры канала связи Улья с Солнцем, и ему это удалось. Уже через небольшой промежуток времени (человек определил бы его как год), что для существования сверхразумных систем этого периода являлось кратким мигом, Рой воссоздал канал, перегнал к Солнцу оперативную интеллект-систему – малый Рой – и начал вербовать помощников-людей в Солнечной системе. Без них вогнать в звезду

инициатор вспышки было бы значительно труднее.

Однако не обошлось и без сбоев.

В принципе с них всё и началось, когда первый хронобросок закончился выходом посланца в ещё более далёком прошлом. Он банально промахнулся, причём дважды, развернув «лишнее» измерение из семи свёрнутых в суперструны, которое заблокировало «временное измерение», основу для «течения времени в одну сторону». Но известно это стало не сразу, потому что малый Рой вынужден был бороться сначала с инфляционным разбуханием Вселенной, не давая процессу разорвать его энергоинформационный кокон, а потом дважды отпрыгивать назад, спасаясь от безусловно первых мыслящих сгустков: возникшая в Большом Взрыве жизнь тогда представляла собой квантовую пену, и кокон Роя представлялся ей угрозой для существования.

Первый прыжок вынес малый Рой в эпоху, когда начали светиться первые звёзды, то есть спустя сто восемьдесят миллионов лет после рождения Вселенной. Ориентироваться в горячем «супе» частиц и излучения было трудно, и малый Рой потерял много сил и времени (по его ощущениям), чтобы сориентироваться и вернуться в канал развёрнутого измерения.

Второй прыжок, на миллиард лет, перенёс малый Рой во Вселенную в тот момент, когда начали формироваться глобальные звёздные структуры. За этот отрезок времени Мироздание наполнилось первыми галактическими скопления-

ми, и пространство вокруг сверкало вспышками квазаров, уничтожающих редкие очаги биохимической жизни.

Малый Рой являлся потомком белковой формы разума, обладающего эмоциональной сферой, всего на доли процента, поэтому эстетикой мира не увлекался, но и его захватил вид звёздной сферы, усеянной яркими вспышками новых и сверхновых звёзд, оставляющих после себя «огарки» – чёрные дыры. Драконье сознание (а именно эти чешуйчатые и пернатые носители перворазума были основой малого Роя) не создало искусств, будучи существами «нелинейной логики»: гиперболическая математика плюс цели власти – всё, жизнь других существ – ничто. Оно просто оценило мир вокруг как источник ресурсов, и потребовалось время, чтобы малый Рой с сожалением (всё это материальное богатство с собой не унесёшь) вернулся к исполнению задания «босса» – Роя Большого.

Датчик контроля времени (нейросетевое облако) подало сигнал, и Рой перестал отвлекаться. Сосредоточился на определении координат и получил ответ другой нейросети: он находился точно в районе нахождения цели, то есть на краю ветвистой звёздной спирали под названием Млечный Путь, но ещё глубоко в её прошлом, так как, хоть звезда, названная обитателями Солнцем, и появилась в одном из рукавов спирали, носитель будущей жизни и разума – планета Земля – ещё не сформировался в плотное ядро. Пока что это был пояс уплотнявшейся к центру пыли и газа.

Третий прыжок, на пять миллиардов лет, перенёс малый Рой во Вселенную, когда начали взрываться первичные сверхновые звёзды, гигантские шары из чистого водорода и гелия. Солнце за это время успело окружить себя планетами, а её ядерный реактор довёл температуру верхнего слоя до комфортных параметров. После этого пришелец из будущего проанализировал сохранившиеся в памяти сведения о цивилизациях в Солнечной системе и уточнил координаты очередного выхода.

Концентрация всех операционных энергоинформационных облаков позволила ему выйти в конец двадцать второго века, однако сброс хронологии в Солнечную систему вызвал на Солнце выброс факела, едва не погубившего цивилизацию гуманоидов – людей. Гибель данного разума его не волновала, но и время он выбрал неудачно, поэтому пришлось целиться снова, и лишь после этого он попал точно в рассчитанный год и месяц: май две тысячи двести второго года по летоисчислению жителей Солнечной системы. Помогла и линия памяти одного из интеллект-сервисов Большого Роя: это облако сохраняло сведения о своих корнях, один из которых принадлежал гуманоидному разуму, соседу человечества по расположению в галактике Млечный Путь. Этот разум когда-то вырос в том же галактическом рукаве у красной звезды (земляне называли её Кеплер 452b), располагавшейся в тысяче четырёхстах световых лет от Солнца. Он дожил до двадцать второго века по земному календарю и благопо-

лучно прекратил существование из-за внутренних распрей вслед за человечеством. Разумеется, кеплеровцы знали о существовании землян и даже пытались наладить с ними контакт, но безуспешно. Все попытки закончились конфликтами. А поскольку и те и другие исчезли в бездне времён, малому Рою их было не жаль. Что бы он ни делал в Солнечной системе в начале двадцать третьего века, какие бы законы местного социума ни нарушал, никто обвинить его в этом не мог. Разве что патрон Большой Рой. Хотя малый при всех его недостатках злобным агрессором не был. Возня людей в этом районе прошлого космоса его не волновала. К их судьбе он был абсолютно равнодушен.

Солнечную систему в две тысячи двести втором году «от рождения Христова» (основание термина так и осталось для гостя загадкой) просматривали сотни телескопов разного уровня и назначения. Но Рой обладал технологиями, недоступными для человека того времени, и легко устроился на ближайшей к Солнцу планете, внедрившись в один из её горных кряжей под названием Петля Сфинкса. Кряж и в самом деле формой напоминал это древнее земное творение на африканском континенте, созданное одной из первичных земных цивилизаций.

Так как Меркурий ежегодно посещали десятки исследовательских экспедиций и яхты туристических маршрутов, Рою было удобно наблюдать за деятельностью землян вокруг светила, и он легко завербовал первых помощников, которые

вывели его на функционеров властных структур. Только с их подсоединением и можно было тайно, не провоцируя землян на конфликты, соорудить в глубинах Солнца форпост для внедрения в звезду «вируса разогрева» – зародыша термоядерной реакции превращения гелия в углерод. В настоящее время в ядре Солнца догорали остатки водорода, превращаясь в гелий, но реакция «гелий – углерод» требовала перестройки процесса с вакуумной подпиткой, и «вирус разогрева» должен был вскоре возбудить Солнце, ввести его в резонансное состояние, что закончилось бы взрывом сверхновой звезды намного раньше, чем это должно было случиться в результате эволюции звёзд такого типа.

Впрочем, Роя не волновало, сколько времени требовала перестройка ядерного цикла Солнца. Для отдалённого будущего, в котором жил Большой Рой, это не имело значения. Для него нынешние события давно остались в прошлом.

Однако каким бы мощным интеллектом ни обладал его посланец, учесть абсолютно все нюансы операции по установлению канала откачки энергии патрону он не мог. А самое пикантное, что он не учёл деятельность предшественника – солнечного Улья, столкнувшегося с защитной сферой человеческой цивилизации. Слабые во всех отношениях люди, носители индивидуального разума, смогли нарушить планы Большого Улья и заставить его убрать систему дойки солнечной плазмы из недр звезды. Малый Рой этого не знал, да и знать не мог, считая, что его возможности намного пре-

восходят потенциал человечества. И уж тем более – отдельных его представителей.

Завербовав сначала пару учёных, контролирующих деятельность Солнца, он смог через них выйти на более высокий уровень управления и запрограммировал больше двух десятков руководящего ранга организации СОН (Союза отдельных наций) и международных структур контроля, в том числе таких как Европейский Исламиат, Китайский Синхара́т и Американский военно-космический центр.

Труднее всего оказалось завербовать спецслужбистов России, единственного государственного объединения на Земле, сохранившего традиции коренного народа и жившего по Кону Рода – Ведическому кодексу, объединившему все малые народности страны. Предателей среди руководителей спецслужб оказалось очень мало по сравнению с «ценителями демократии западного толка», людьми с психикой, изменённой цифрой. Как выразился один из них, заместитель министра обороны России, когда посланец Роя, генсек НАТО Боррелберг, попытался соблазнить его «европейскими идеалами»:

– Цена вашим «идеалам и ценностям» – дерьмо, уважаемый господин Боррелберг! Извините за грубость. Позвольте мне самому решать, с кем и против кого дружить.

Боррелберг, испугавшись, прервал контакт, а Рою пришлось искать другого кандидата из российских чиновных «залежей либерализма». И он лишь месяц спустя нашёл его –

среди заместителей федеральной структуры безопасности и руководителей российского Космостроя, мечтавших о большей власти и обладании образом жизни «без ограничений». Как известно, люди бывают разные, и не зря в России существовала поговорка: в семье не без урода.

После этого Рой приступил ко второму этапу операции, установлению зоны на Солнце, неподконтрольной земным службам безопасности. Исполнители на Земле называли её «зоной частных владений», имеющей статус неприкосновенности для любых учреждений и служб. Образование зоны должны были утвердить все причастные к строительству в космосе инстанции. А ещё спустя короткое время должен был наступить третий этап проекта – строительство станции над Солнцем, с помощью которой можно было пробить «тоннель» к его ядру и погрузить в ядро установку «вируса разогрева», катализатора новой термоядерной реакции.

Первый этап закончился в мае две тысячи двести второго года.

Второй – в июне.

Третий начался шестого июля с эксперимента: Рой сначала решил опробовать функционирование катализатора и заложил в глубине одного из солнечных пятен (знай он, чем закончилась возня Улья с пятнами, может быть, избрал бы другой район светила) экспериментальный зародыш. Тот сработал отлично, под пятном началась реакция превращения гелия в углерод, и температура Солнца начала повышаться.

Оставалось только достроить тоннель и вложить в ядро основной модуль разогрева, намного мощней.

Помощники «вора из будущего» отметили этот день застольем в своих апартаментах по всему миру.

Не отстал от них и куратор стройки российского Космостроя шестидесятишестилетний Таргитай Улиуллин, он же – первый зам премьер-министра России. Разумеется, он подстраховался, подняв в компьютерах давнюю историю с угасанием Солнца в две тысячи семьдесят седьмом году, и постарался ограничить деятельность космической контрразведки через своих друзей в ФСБ и Косконе. Жажда власти и вседозволенности окончательно ослепила этого умного, но недалёковидного человека. Рою даже не пришлось перекодировать его психику, он согласился работать «на будущее» добровольно.

Локация 7. Земля. Екатеринбург. 2202

Чудесная погода, чудесные запахи, великолепный берёзовый колонок с редкими соснами, щебетанье птиц – всё это оборвалось в один миг, когда она проснулась и села на кровати, услышав виноватый голос Свирида:

– К нам гости, Цветочек.

Хотела напомнить домовому о нелюбви к прозвищу Цветочек, но он торопливо добавил:

– Трое, спецконтингент, нормал и два форма, вооружены.

– Вооружены?! – удивилась девушка, нащупывая халат.

– Мне так показалось.

На миг в сердце вошла тревога. Вспомнились слова полковника Климука, поднявшего «восстание разумов» внутри солнечного Улья: люди есть люди, и даже среди святых найдутся свои иуды. Другими словами – действительно в семье не без урода. И всё же какого дьявола переживать заранее? Она ни в чём не виновата!

Флора накинула халат, посмотрела на себя в зеркало.

– Открой.

Перед дверью в светлый фонарь прихожей стояли трое гостей. Хозяйка встретила взгляд первого, мужчины средних лет со стандартной внешностью правительственного клерка

и твёрдым загорелым лицом. Глаза у него были фиолетового цвета и смотрели с начальственной уверенностью. Одет он был в серый официал-уник с красными вставками и шевроном службы полицейского контроля.

Его спутники выделялись мощными фигурами, милитари-причёсками соломенного цвета и ничего не выражающими лицами. Одеты в уники военного образца: зеленоватые, с туманными разводами мундиры, россыпь клапанов, приподнятые плечи, широкие обшлага и роуд-штаны со множеством вертикальных полосок.

Флора оценивающе посмотрела на них.

Оружия у парней видно не было, но оно могло прятаться и в плечевых вставках, и вообще в любой складке костюмов, а в том, что они представляют собой гибридные чело-веко-машины с функциями охраны, сомневаться не приходилось, судя по их равнодушным глазам.

– Впустите? – проговорил предводитель.

– А если нет, вы сразу уйдёте? – с иронией осведомилась Флора.

«Клерк» растянул губы в понимающей усмешке.

– У меня предписание доставить вас в контору.

– Зачем?

– Насколько мне известно, с вами хотят побеседовать руководители Коскона.

– Я уже беседовала с ними.

Гость пожал плечами.

– Тут я пас.

– Какое отношение вы имеете к Коскону?

– Я полковник Шторм, спецподразделение внутренних расследований контрразведки.

– А если я откажусь?

«Клерк» остался спокойным.

– Боюсь, вам придётся подчиниться, майор. Как мне объяснили, обнаружились дополнительные обстоятельства вашего спуска в прошлое, и система обязана разобраться с ними.

– Это по поводу моих контактов с Терентием Дергачёвым? Шторм усмехнулся.

– Вам виднее.

Она задумалась на миг, кивнула.

– Ждите, я переоденусь.

– Мы пройдем?

– Нет!

Свирид понял хозяйку, и дверь перед троицей закрылась.

Конечно, Флора могла просто скрыться из дома, имеющего запасной выход, а потом сесть в личный мобиль и улететь. Но это ни к чему хорошему не привело бы. Уже давно территория страны контролировалась системой цифрового наблюдения, и при необходимости силы охраны правопорядка быстро обнаружили бы беглянку. Такие случаи бывали, и доходило иногда до погонь и стрельбы, несмотря на соблюдение основной массой народа законов общежития, пропи-

санных в родовом Коне, который ещё по старинке называли Конституцией.

Она вышла в белом унике для официальных приёмов по случаю торжеств: китель с россыпью наград, юбка чуть выше колен, галстучек, туфли на высоком каблуке, подчёркивающие стройность ног, – и посланцы руководства Коскона замерли, разглядывая девушку, обладавшую модельной внешностью.

Заметив реакцию спутников Шторма, Флора даже подумала, что, может быть, они и не киборги вовсе, но сделала вид, что ничего не замечает.

Сели в ожидавший гостей скоростной куттер с эмблемой полиции, который доставил всех к столичному комплексу делового Сити, состоящему из одиннадцати башен разного формата, но с единым дизайном под названием «малахитовые узоры». Башня силовых ведомств не выделялась из них ничем особенным, но тоже притягивала взор фрактальным кружевом кристаллов-офисов.

Куттер нырнул к верхней пирамиде башни, кажущаяся сплошной стеклянной стеной грань пирамиды пропустила аппарат, и он сел на отдельную платформу рядом с другими машинами. Пассажиры выбрались на платформу и спустились к лифтам.

Флору довели до делового офиса службы контрразведки, занимавшей несколько этажей башни (кабинет директора находился на сорок первом уровне), и полковник Шторм оста-

новился перед дверью с табличкой: «Директор СКК Ирбис Фарниев».

– Благодарю вас, майор, – сказал он.

– За что? – не поняла она.

Губы полковника дрогнули, однако улыбаться он не стал, добавил серьёзно:

– За то, что вы не стали качать права.

– Качать права? Объясните!

– В распоряжении пригласить вас в контору мне не приказано было арестовывать вас, и если бы вы решили заявить протест и отказаться лететь с нами, я был бы вынужден отступить.

– Но ведь вы сказали – мне придётся подчиниться!

– Стандартная формула, ничего категоричного.

– То есть я напрасно согласилась?

– Ну, как сказать.

– А если я сейчас повернусь и уйду, что будет? С вас снимут погоны?

Конвоиры переглянулись.

Шторм собрал морщинки на лбу.

Флора засмеялась, освободив его от необходимости придумывать ответ.

– Не берите в голову, товарищ полковник, я пошутила. – С этими словами она шагнула вперёд, и дверь кабинета директора Коскона отворилась. Сопровождавшие её мужчины остались в коридоре в состоянии лёгкого потрясения.

В рабочем модуле Фарниева Флора не была ни разу и с любопытством окинула его обманчиво рассеянным взглядом. Впрочем, и этот кабинет руководителя одной из самых современных и секретных организаций среди спецслужб мира, хотя и был создан в стиле «хайтек», объединяя все линии связи, контроля и обработки информации, отличался от других помещений подобного рода лишь конфигурацией систем обслуживания и привязкой хозяина к определённой эстетике форм. К примеру, кос-генерал Ирбис Фарниев (она вспомнила тренера по спецподготовке в академии, тоже носившего фамилию Фарниев, ничего общего кроме родовой смуглости лица) любил изделия из дерева, сам будучи хорошим резчиком, и все стены кабинета были заставлены прозрачными шкафчиками с деревянными скульптурками животных, птиц и морских обитателей.

Как и предупреждал Шторм, директор был не один. Перед его навороченным гаджетами столом с толстой прозрачной столешницей, выполняющей роль вириала управления всеми подразделениями службы, сидели на деревянных с виду стульях четверо приглашённых, двое мужчин и две женщины. В отличие от Флоры они были одеты в рабочие брючные костюмы светло-серого, голубоватого и зеленоватого цвета, без каких-либо планок, украшений или знаков различия. Разве что на рукавах гостей красовались эмблемы Коскона с аббревиатурами подразделений.

Мужчина помоложе, лет тридцати пяти, блондин, судя по

шеврону, работал в сыском управлении. Мужчина постарше, лет шестидесяти, служил в экспертном подразделении Коскона. Его Флора знала по недавним контактам перед командировкой.

Женщины были примерно одного возраста – под пятьдесят, одна блондинка, вторая брюнетка, но трудились в разных епархиях. Блондинка с короткими пышными волосами являлась известным учёным, специалистом по изучению эволюции звёзд. Брюнетка с волосами, собранными в пучок, работала в Федеральной службе безопасности, хотя какой пост занимала, было непонятно.

Сам хозяин модуля, обладавший субтильным телосложением, тонкими чертами лица и оливковыми глазами, одет был точно в такой же костюм с зеленоватыми туманными разводами, что и полковник Шторм.

– Садитесь, майор, – сказал Фарниев тихим интеллигентным баритоном с гортанным фиоритурами.

Из пола вырос «деревянный» стул, и она поняла, что текстуру дерева бытовые системы кабинета создают искусственно.

Села, поправила юбку, заметив взгляд самого молодого из участников совещания, брошенный на её колени, сложила руки как примерная ученица.

В глазах хозяина кабинета всплыли иронические огоньки, но заговорил он всё тем же красивым голосом:

– Георг Шоллак, интрайер.

Молодой блондин кинул голову на грудь.

Флора кивнула в ответ. Словечко «интрайер» в переводе с оперативного сленга контрразведчиков означало «копатель», то есть следователь по особо важным делам.

– Лог Балин, универсалист.

Седой посмотрел на Флору как бы издалека, словно в данный момент разговаривал со своим терафимом. Термин «универсалист» говорил о его глубоких познаниях физики и других научных дисциплин.

– Лора Каменева, одич первой категории.

Блондинка с пышными волосами улыбнулась.

– Инна Корнер-Баскакова, историк-глубинник, профессор хроноспаса.

Брюнетка с почти мужским лицом невозмутимо встретила взгляд Флоры, что говорило об её замкнутости и сосредоточенности на каких-то проблемах.

– Начнём, – продолжил Фарниев. – Чтобы не возвращаться к существу проблемы, майор, прошу вас ещё раз вкратце прояснить ситуацию с... мм, Ульем, якобы существующем в далёком будущем.

– Не якобы, товарищ генерал, – поправила директора Флора, уловив сомнения в тоне Фарниева. – Улей существует реально.

– Будущее ещё не наступило.

– Время Улья так далеко впереди, что никакие изменения бытия в наши дни на него не повлияют.

– Закон затухания последствий, – проговорила Корнер-Баскакова.

– Именно.

– Не придирайтесь к словам, – улыбнулся Фарниев.

– А я бы предложил начать с другого конца, – грассирующим голосом произнёс Лог Балин. – Разрешите?

– Конечно.

– Давайте сначала поговорим о катастрофах, предполагаемых для рода хомо сапиенс ещё с двадцатого века. Нам предрекали немыслимую жару в конце двадцать первого столетия, когда климат на тридцать пять процентов станет несовместимым с жизнью в связи с глобальным потеплением. Предупреждали о таянии льдов Арктики и Антарктики, сопровождаемом затоплением чуть ли не пятидесяти процентов суши, об исчезновении лесов Амазонии и России, о распаде мегаполисов, о дефиците жизненно важных ресурсов, об опасности искусственного интеллекта, готовившего нам судьбу динозавров и так далее и тому подобное. Это что касается самой Земли. Но были и прогнозы по Солнечной системе. Угроза падения астероида, угроза вспышек на Солнце, магнитные бури, агрессия инопланетного разума и ещё немало проблем, связанных с этим аспектом. К счастью, климат изменился не трагедийно, льды не растаяли, астероиды на поверхность Земли не свалились. Терминаторы с искусственным интеллектом власть не захватили, хотя войны с их участием продолжают регулировать рост человечества. Зато

прогнозы поведения нашего солнышка вдруг начали воплощаться в жизнь. Вспомните угасание Солнца в две тысячи семьдесят седьмом году, потревоженного откачкой энергии тем самым Ульем. Вспомните корональную вспышку две тысячи девяносто пятого года, когда облако плазмы пересекло орбиту Земли и на пять лет погрузило мир в хаос отсутствия связи. Затем случился странный взрыв в конвекционном слое светила, образовавший факел, пробивший Солнечную систему насквозь. И наконец мы подошли к нашему случаю: Солнце начинает разогреваться.

– Вы к чему всё это вспоминали? – хмыкнул Георг Шоллак, с интересом поглядывающий на Флору.

– В Систему запущен вирус ликвидации человечества, – обыденным тоном ответил учёный. – Вам не кажется? Катастрофы от столетия к столетию увеличивают масштаб, и предела этому процессу не видно. То есть он понятен и так – конец цивилизации. Потому надо выяснить, кому это выгодно.

– А вы как считаете? – спросил Фарниев.

– Точно не пресловутому Улью, существование которого ещё не доказано.

Флора хотела возразить, что её с Терентием путешествие в будущее и встречи с Большим Ульем были абсолютно реальными, но передумала.

– Тогда кому, если не Улью? – спросила она.

– Сущности того же порядка, что и ваш Улей! – торжественно заявил Лог Балин, словно готовил это заявление за-

ранее специально для сегодняшней встречи.

Впрочем, наверно, так и было, а Флора вдруг с искренним удивлением подумала, что универсалист, скорее всего, прав насчёт иной сущности. Если Улей просто хотел скачать энергию Солнца в две тысячи семьдесят седьмом году для своих нужд, то в настоящий момент видна тенденция другого плана: Солнце то и дело пытаются взорвать.

– Допустим, – сказал Фарниев, – кто-то снова внедрил в Солнце и пытается раскачать ядерные резонансы. Кому это нужно, если не Улью, и для чего?

– Мы конкуренты для кого-то, – негромко проговорила Корнер-Баскакова. Красавицей назвать её было нельзя по оценке Флоры, но и уродиной тоже, хотя мужской тип лица наводил на мысль о трансгенном вмешательстве. Ей бы уменьшить толщину бровей, подумала девушка, и форму губ, а также добавить волос и...

Флора рассмеялась про себя, тут же привычно одёрнув: о чём ты думаешь, майор?!

– Конкуренты? – с интересом проговорил Шоллак. – Кто? В настоящий момент нашими дальразведчиками обнаружено лишь три цивилизации, да и то негуманоидные, не желающие контактировать с нами. Но все они примерно того же уровня, что и мы.

– Этот конкурент тоже базируется в будущем.

– С чего вы взяли? И это не Улей?

– Давайте мыслить логически. Вряд ли в будущем образу-

ется лишь один мыслящий кластер постразума – Улей.

Присутствующие обменялись взглядами, пошумели, повернулись к Фарниеву.

– Мне кажется, мы слегка отклонились от темы, – сказал директор. – Идея с... новой сущностью хороша, однако требует отдельного обсуждения. Майор, вспомните подробности своих встреч с биотехнологом из две тысячи семьдесят восьмого года Терентием Дергачёвым. Пока что эта тема интересует нас больше всего.

– Биотехнолог – маскировка, – сказала Флора. – На самом деле он надзорник, специальный агент по контролю прибывающих из космоса путешественников и поселенцев. А ещё – контрразведчик из две тысячи сто пятидесятого года.

Стало тихо.

– Продолжайте, – кивнул Фарниев.

Она собрала с мыслями и начала рассказ с десанта «голема» на солнечное пятно (лимбу) и встречи с Терентием, единственным уцелевшим туристом с яхты «Синтрейл».

Рассказ длился около десяти минут. Флора опустила многие подробности и закончила доклад обещанием Улья отправить обоих, её и Терентия, в две тысячи двести второй год.

– Я не знаю, почему он не выполнил обещание, – с сожалением призналась рассказчица. – Если бы выполнил, не было бы этого допроса.

– Мы вас не допрашиваем, – возразил Фарниев.

– Однако выслали за мной целую опергруппу, – улыбну-

лась девушка.

– Потому что проблема, вероятно, серьезнее, чем мы думали. Профессор ещё до нашей встречи, – Фарниев глянул на седого, – объяснил, что, по его мнению, происходит, а мы, как контрразведчики, не можем не реагировать на такие прогнозы. Правда, я человек конкретный и многого в теории времени не понимаю, но задача защиты наших людей от этого не становится проще.

– Чего вы не понимаете? – поинтересовался Лог Балин.

– Как мы вообще преодолеваем временные барьеры, – засмеялся Фарниев, – и путешествуем в прошлое, не изменяя настоящего.

– Могу объяснить, – с готовностью предложил седой.

– Не стоит, мне объясняли, но, как говорил классик, когда мы не говорим о времени, все понимают, что это такое, как только начинаем объяснять, все теряют смысл термина. Я не исключение.

– Совсем коротко.

Фарниев сдержал возражение, кинул взгляд на стол, в толще которого мигали огни бланк-сообщений, нехотя кивнул.

– Одна минута.

– Это очень просто. Смотрите.

Лог Балин поднял руку ладонью вверх, и над ней сформировался пузырь изображения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.